

УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел)-44
Ч-50

Черчилль, Уинстон.

Ч-50 Как я воевал с Россией : [перевод с английского] / Уинстон Черчилль. — Москва : Алгоритм, 2016. — 384 с. — (Легендарные политические мемуары).

ISBN 978-5-906861-62-7

Уинстон Черчилль — «имя Англии» XX века, являлся самым ярким представителем английской политики в двадцатом столетии. Одним из ее направлений была борьба против России с целью не допустить нашу страну в число великих держав или, по крайней мере, ослабить русское влияние в мире.

В своих мемуарах У. Черчилль достаточно полно и откровенно описал все стороны этой антирусской деятельности. Двуличная позиция Англии в отношениях с Россией в годы Первой мировой войны, откровенно враждебное отношение к РСФСР и СССР, военные и шпионские операции против советской державы в 1920-е — 1930-е гг., попытки направить первый германский удар на Советский Союз — все это нашло отражение в книге У. Черчилля, представленной вашему вниманию.

Кроме того, в ней рассказывается о политике Черчилля в годы Второй мировой войны, когда союзническая помощь Советскому Союзу сопровождалась стремлением затянуть военные действия на Восточном фронте, чтобы обескровить СССР. Наконец, здесь говорится о начале «холодной войны», в которой У. Черчилль сыграл ведущую роль. Книга содержит множество интересных подробностей, неожиданных фактов, значимых деталей от человека, входившего в высшие круги английского «истеблишмента».

УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-906861-62-7

© Черчилль У. (Churchill W.), правообладатели
© Перевод с английского. М. Минц, В. Чухно и др.
© «ТД Алгоритм», 2016

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Массово-политическое издание

ЛЕГЕНДАРНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ МЕМУАРЫ

Черчилль Уинстон

КАК Я ВОЕВАЛ С РОССИЕЙ

Редактор *О.В. Селин*
Художественный редактор *Б.Б. Протопопов*

ООО «Алгоритм»

Оптовая торговля:

ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952

Сайт: <http://www.algoritm-izdat.ru>

Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 11.04.2016.
Формат 60x90^{1/16}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,0.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-906861-62-7

9 785906 861627 >

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1. Россия сбилась с пути	6
Часть 2. Интервенция в Россию	26
Часть 3. Чего мы хотели от русских	34
Часть 4. Поражение наших союзников в России	56
Часть 5. Польша и Россия. Чудо на Висле	71
Часть 6. От войны к войне	82
Часть 7. Пакт Молотова — Риббентропа	102
Часть 8. Наша помощь Финляндии	117
Часть 9. «Пакт четырех» и операция «Барбаросса»	127
Часть 10. Миссия Рудольфа Гесса	147
Часть 11. Немезида наказывает Россию	156
Часть 12. Проблема второго фронта	174
Часть 13. Разговор со Сталиным	208
Часть 14. Разрыв русских с поляками. Правда о Катыни . . .	232
Часть 15. Тегеран. Операция «Оверлорд»	238
Часть 16. Судороги Европы. Восстание в Варшаве	271
Часть 17. Европа под властью Советов	284
Часть 18. Ялта. Судьбы мира	297
Часть 19. Переговоры Алена Даллеса с немцами	328
Часть 20. Угроза для свободного мира. «Железный занавес»	341
Вместо послесловия. «Мускулы мира»	366

Часть 1

РОССИЯ СБИЛАСЬ С ПУТИ

В Первой мировой войне Россия сыграла свою роль. В начале войны Франция и Великобритания во многом рассчитывали на Россию. Да и на самом деле Россия сделала чрезвычайно много. Потерь не боялись, и все было поставлено на карту. Быстрая мобилизация русских армий и их стремительный натиск на Германию и Австрию были существенно необходимы для того, чтобы спасти Францию от уничтожения в первые же два месяца войны. Да и после этого, несмотря на страшные поражения и невероятное количество убитых, Россия оставалась верным и могущественным союзником. В течение почти трех лет она задерживала на своих фронтах больше половины всех неприятельских дивизий и в этой борьбе потеряла убитыми больше, чем все прочие союзники, взятые вместе. Победа Брусилова в 1916 г. оказала важную услугу Франции и особенно Италии; даже летом 1917 г., уже после падения царя, правительство Керенского все еще пыталось организовать наступление, чтобы помочь общему делу. Эта выдержка России была важнейшим фактором наших успехов вплоть до вступления в войну Соединенных Штатов, уступавшим по значению разве только неудаче германской подводной войны, явившейся поворотным пунктом всей кампании.

Но Россия упала на полдороге, и во время этого падения совершенно изменила свой облик. Чтобы объяснить, каким образом это несчастье стряслось над миром, и дать возможность читателю понять все его последствия, нам следует бросить взгляд назад.

Царь отрекся от престола 15 марта 1917 г. Временное правительство, состоявшее из либеральных и радикальных государственных деятелей, было почти немедленно признано важ-

нейшими союзными державами. Царь был арестован; была признана независимость Польши, и было издано обращение к союзникам, в котором говорилось о праве народов на самоопределение и об обеспечении прочного мира. Знаменитый приказ, отменявший отдачу чести и смертную казнь за военные преступления, уничтожил дисциплину в армии и флоте. Петроградский Совет солдатских и рабочих депутатов, сыгравший такую значительную роль в революции и послуживший образцом для всех подобных советов, быстро образовывавшихся по всей России, был независимым от правительства учреждением и вел самостоятельную политику. Совет обратился ко всему миру с призывом заключить мир без аннексий и контрибуций, укреплял свое влияние и связи и почти все время рассуждал об общих принципах. С самого же начала было ясно, что эта организация и Временное правительство преследуют различные цели. Петроградский Совет стремился подорвать всякую власть и всякую дисциплину, между тем как целью Временного правительства было сохранить и то и другое в новых и более приемлемых формах. Когда оба соперничающих органа оказались на непримиримо враждебных позициях, Керенский, принадлежавший к умеренным членам Совета, стал на сторону Временного правительства и принял пост министра юстиции.

Министры Временного правительства важно шагали по кабинетам и дворцам и, произнося цветистые и сентиментальные речи, выполняли свои административные обязанности. Деятели прогрессистов Гучков и Милюков, доброжелательные и простодушные марионетки, скоро сошли со сцены. Они сыграли свою роль в происходившем поразительном разложении. Руководясь наилучшими мотивами, они помогли потрясти все основания России; их пример побудил многих разумных и патриотически настроенных русских поддержать начатую ими работу. Теперь они были лишены всякого влияния и всякой власти. Почтенные и по-своему мужественные люди, они сходили со сцены, мучимые раздумьем. Гучков сказал: «Остается еще не доказанным, что же мы представляем собой — нацию свободных людей или сброд взбунтовавшихся рабов». Но среди всеобщей болтовни слова перестали действовать.

Однако в своей агонии Россия не осталась совершенно без защитников. К ним следует причислить прежде всего Керенского, несмотря на все его тщеславие и самовлюбленность. Из всех незрелых политиков-дилетантов, вступивших во Временное правительство, он был наиболее крайним. Они принадлежали к числу тех опасных революционных вождей, которые всегда стараются перещегоолять экстремистов, чтобы держать их в руках, и всегда уверяют лояльные и умеренные элементы, что только они одни умеют удержать зверя. Постепенно он осуществлял политические перемены, отклонявшие его коллег по министерству все далее и далее влево. Но Керенский не хотел идти дальше известного пункта. Когда он был достигнут, Керенский решил сопротивляться. Но когда он наконец перешел к борьбе, то увидел, что растерял все свое оружие и всех своих друзей.

Керенский заменил Гучкова на посту военного министра в середине мая. 6 августа он стал премьер-министром. Влияние событий, заставивших его в течение лета перейти от революционных фраз к политике репрессий, еще более усиливалось благодаря личному воздействию двух лиц. Одним из них был генерал Корнилов, солдат-патриот, решительный, популярный, демократически настроенный; он был готов принять революцию и верно служить новому режиму, хотя он с большей радостью служил бы царю. Ему доверяли войска; он не возбуждал неприязни у стоявших у власти политиков — словом, он обладал многими качествами или, во всяком случае, многими плюсами, которых требовало от военачальника революционное правительство, желавшее вести войну и поддерживать порядок.

* * *

Но в это время появилась на сцене более сильная личность — Борис Савинков, бывший нигилист, непосредственный организатор убийств Плеве и великого князя Сергея Александровича, возвратившийся из изгнания в самые первые дни революции. Посланный в качестве комиссара в IV армию, он справился с мятежом и разложением и проявил при этом энергию, резко выделявшуюся на нелепом фоне русской смуты и напоминавшую бодрый дух Французской революции. Поскольку в данном случае уместны сравнения, он в некоторых отношении

ях напоминал Симурдэна — героя романа Виктора Гюго, а в некоторых — реального Сен-Жюста. Разница заключалась лишь в том, что, не уступая никому в беспощадности своих методов и в личном бесстрашии, он обладал уравновешенным умом и преследовал умеренные и даже прозаические цели. Он являлся воплощением практичности и здравого смысла — правда, выраженных в динамите.

Из дикой сумятицы и хаоса русской трагедии он стремился создать свободную Россию, которая оказалась бы победоносной в войне с Германией, которая шла бы рука об руку с либеральными нациями Запада, Россию, в которой крестьяне владели бы на правах собственности обрабатываемой ими землей, в которой гражданские права охранялись бы законом, в которой процветали бы парламентские учреждения, которые существовали бы, может быть, наряду с ограниченной монархией.

Этот человек, обладавший кипучей энергией и трезвый по своим политическим взглядам, в течение двух месяцев приобрел господствующее влияние в русских военных делах. Занимая должность товарища военного министра и будучи начальником Петроградского гарнизона, Савинков распоряжался важнейшими орудиями власти. Он знал все силы, действовавшие в данный момент, прекрасно понимал суть дела и ни перед чем не отступал. Позволят ли ему пустить в ход рычаги власти или выпрут их из его рук? Будут ли они действовать или сломаются?

Савинков избрал Корнилова и настойчиво рекомендовал его Керенскому как того военачальника, без которого нельзя обойтись. В результате долгой внутренней борьбы, разгоревшейся в конце июля, даже Петроградский Совет согласился большинством голосов на предоставление военным властям неограниченных полномочий, признавая это единственным средством восстановления дисциплины в армии. 1 августа Корнилов стал главнокомандующим, и 8 сентября была восстановлена смертная казнь за преступления против дисциплины на фронте. Тем временем германский молот продолжал бить по русскому фронту. В середине июля немцы развернули контрнаступление, а 24 июля австро-германские войска взяли обратно Станислав и Тарнополь. Неприятельский натиск продолжался.

1 сентября германский флот, действуя совместно с армией, вошел в Рижский залив. 3 сентября пала Рига.

В разгар кризиса ток спутал все провода, — как физические, так и психологические. Корнилов восстал против Керенского; Керенский арестовал Корнилова; Савинков, старавшийся сблизить их и укрепить исполнительную власть, был снят со своего поста. Затем последовало кратковременное интермеццо перед Вавилонским столпотворением — мужественные резолюции Думы и призывы Демократического совещания к национальному единению. В русском парламенте — Думе — было огромное антибольшевистское большинство. Временное правительство издало манифесты, обещавшие либеральную политику и призывавшие сохранять верность союзникам. По части слов и голосований было использовано решительно все. Между тем германский молот продолжал бить по фронту.

Кто осудит измученных борцов за русскую свободу и демократию? Не поставили ли они себе задач, непосильных для смертного? Могли ли какие бы то ни было люди какими бы то ни было мерами справиться с этим двойным нападением? Политикам и писателям более счастливых наций не следовало бы смотреть слишком свысока на людей, которые подверглись такому страшному давлению. При таких условиях Кромвель, Цезарь, Наполеон, может быть, потерпели бы такое же крушение, какое потерпел капитан Вебб на Ниагарском водопаде. Под аккомпанемент всеобщей болтовни и приближающегося грохота пушечной канонады все ломалось, все гибло, все растекалось, и на фоне анархии обрисовывался один-единственный целостный и страшный фактор — большевистский переворот.

* * *

В первую неделю ноября Советы, руководимые Военно-революционным комитетом с Лениным и Троцким во главе, захватили верховную власть и командование над войсками и решили арестовать министров. Взбунтовавшиеся военные суда двинулись вверх по Неве, и войска перешли на сторону захватчиков. Дума и Всероссийское демократическое совещание, Всероссийский съезд Советов, продолжавшие болтать и принимать значительным большинством резолюции протеста, были сме-

тены в пропасть. Зимний дворец, где заседало Временное правительство, был осажден. Керенский, бросившийся на фронт, чтобы собрать верные ему войска, был смещен изданной Лениным прокламацией и по возвращении был разбит бунтовщиками. Впоследствии британский апелляционный суд постановил, что при рассмотрении дел британских подданных, имеющих отношение к России, датой фактического перехода власти к советскому правительству следует считать 14 ноября 1917 г.

Навеки погибли империя Петра Великого и либеральная Россия, о которой так долго мечтали и Дума, и только что созванное Учредительное собрание. Вместе с царскими министрами канули во тьму кромешную либеральные и радикальные политики и реформаторы.

Верховный большевистский комитет, эта нечеловеческая или сверхчеловеческая организация, как вам угодно, — это общество крокодилов, обладавших образцовыми интеллектами, взял власть 8 ноября. Его члены обладали твердой программой политики на ближайшее время. С внешним врагом надо было заключить немедленный мир и повести беспощадную войну с помещиками, капиталистами и реакционерами. Все эти термины истолковывались в самом широком смысле.

Вопросы внешней политики оказались, однако, трудными. Ленин и его сообщники, принимаясь за свое дело, были уверены, что с помощью беспроволочного телеграфа они могут обратиться непосредственно к народам воюющих государств через головы их правительств. Поэтому вначале они не имели в виду заключение сепаратного мира. Они надеялись, что под влиянием русского примера и выхода России из войны военные действия всюду приостановятся и все правительства, как союзные, так и неприятельские, очутятся лицом к лицу с восставшими городами и взбунтовавшимися армиями. Провозглашение Декрета о мире сопровождалось немалым количеством слез и радостными криками. Призыв к миру дышал возвышенным человеколюбием, ужасом перед насилием, усталостью от бесконечной бойни. Приведем хотя бы следующий отрывок: «Трудящиеся всех стран, мы обращаемся к вам с братским призывом через гекатомбы трупов наших братьев-солдат. Через потоки невинно пролитой крови и слез, через дымящиеся раз-

ваины городов и сел, через разгромленные памятники культуры, мы призываем вас к восстановлению и укреплению международного единения».

Но петроградский беспроволочный телеграф напрасно бороздил эфир волнами. Крокодилы внимательно слушали, дожидаясь ответа, но ответом им было молчание.

Через две недели большевики уже бросили свой план «заключить мир через головы правительств с восставшими против них народами». 20 ноября русскому Верховному командованию было приказано немедленно предложить неприятельскому командованию приостановить враждебные действия и начать переговоры о мире, а 22 ноября Троцкий послал посланникам союзных держав в Петрограде ноту, предлагавшую установить «немедленное перемирие на всех фронтах и немедленно начать мирные переговоры». Ни посланники, ни их правительства не ответили вовсе. Но большевистское правительство во что бы то ни стало должно было выполнить данное им обещание «немедленного мира», и фронтовикам был отдан приказ «брататься и заключать мир с немцами, производя братание полками и ротами». Какое бы то ни было военное сопротивление неприятелю стало после этого невозможным. 28 ноября центральные державы заявили о своей готовности рассмотреть предложение о перемирии. 2 декабря стрельба прекратилась по всей линии русского фронта; напряженные усилия народов России стихли.

Переговоры тянулись три месяца, прежде чем был подписан Брест-Литовский договор. Для большевиков этот период был полон разочарований. Они требовали шестимесячного перемирия, а вместо этого получили приостановку военных действий на один месяц, после чего военные действия снова могли возобновиться с предупреждением за одну неделю. Большевики хотели, чтобы переговоры велись в какой-либо нейтральной столице вроде Стокгольма, но и в этом требовании им было отказано. Они разъясняли победителям, которые сами дошли до отчаяния, правильные политические принципы для построения человеческого общества. «Извините, господа, — спрашивал большевиков германский генерал Гофман, — какое нам дело до ваших принципов?» В припадке непоследовательной лояльности по отношению к союзникам большевики потребовали, что-

бы во время перемирия ни австрийские, ни германские войска не перевозились с восточного на западный фронт. Немцы согласились — и немедленно начали перевозить войска во Францию. В конце декабря все иллюзии, которые со столь непонятной доверчивостью питали до сих пор большевики, кончились.

* * *

Переговоры были прерваны, большевистские делегаты возвратились домой, чтобы посоветоваться со своими товарищами. До нас дошли некоторые детали этих новых дебатов в большевистском аду. Троцкий, принявший на себя роль Молоха, настаивал на возобновления войны, и большинство тайного совещания, по-видимому, разделяло его взгляд. Но холодный и мрачный голос Ленина напомнил собравшимся об их долге в восемнадцати тезисах.

Какое сопротивление могли они оказать врагу? Армии исчезли, флот был охвачен бунтом, Россия погружена в хаос. Даже возможность бегства по широким пространствам России, которою они все еще располагали, не могла оставаться в их распоряжение сколько-нибудь долго. Но ведь для них поставлено на карту нечто более драгоценное, чем судьба России. Разве они не осуществляли коммунистической революции? Разве они могли бороться с буржуями у себя на родине, в то же время тратя весь остаток своих сил на сопротивление вторгшемуся неприятелю? В конце концов для интернационалистов, стремящихся к мировой революции, географические границы и политические связи не имели особенно важного значения. Большевики должны прочно укрепить свою власть на тех русских территориях, которые у них останутся, и отсюда распространить гражданскую войну и на все прочие страны.

Доводы Ленина возымели действие. Как передает один англичанин, бывший очевидцем этой сцены, Ленин даже не пожелал слушать возражений и холодно и безучастно сидел в соседней комнате, предоставив своим сотоварищам произносить пылкие речи, в которых слышны были ненависть и бешенство. Троцкому удалось только провести формулу: «ни войны, ни мира». Советы подчинятся, но они не пишут договора. 10 февраля Троцкий заявил по беспроволочному телеграфу, что Рос-

сия, отказавшись подписать мир на основе аннексий, объявляет со своей стороны об окончании войны с Германией, Австрией, Венгрией, Турцией и Болгарией. Одновременно с этим, добавляя он, русские армии получили приказ демобилизоваться на всех фронтах.

Но немцам этого было недостаточно. В течение недели они хранили молчание, но 17 февраля напрямик заявили, что перемирие кончилось и на следующий же день германские армии перейдут в наступление по всему фронту. Протесты Троцкого, настаивавшего, что большевикам должна быть предоставлена по крайней мере еще одна неделя отсрочки, были заглушены пушечной канонадой. На тысячемильном фронте, от Ревеля до Галаца, германские и австрийские армии покатались вперед. На русском фронте все еще оставались кое-где войска, находившиеся на различных стадиях разложения, и оставались офицеры, решившие исполнить свой долг до конца. Но все эти остатки армий были сметены без малейших затруднений. Весь русский фронт был сломлен и на протяжении каких-нибудь 20 миль немцы захватили в один день 1350 орудий и массу военного снаряжения и военнопленных. Город Двинск, главный объект германского наступления, был взят в тот же вечер, и 19 февраля Советы окончательно сдались. Троцкий уступил пост комиссара иностранных дел более миролюбиво настроенному Чичерину, и 3 марта были подписаны мирные договоры.

Брест-Литовский договор лишил Россию Польши, Литвы, Курляндии, Финляндии и Аландских островов, Эстляндии и Лифляндии, а на Кавказе — Карса, Ардагана и Батума.

Советское радио извещало, что заключенный мир не основан на свободном соглашении, а продиктован силой оружия, и Россия вынуждена принять его, скрепя сердце. Советское правительство, продолжало радио, предоставленное своим собственным силам, не будучи в состоянии противиться вооруженному натиску германского империализма, вынуждено ради спасения революционной России принять поставленные ему условия. Как говорил Ленин несколько лет тому назад, большевики должны были мужественно взглянуть в лицо неприкрашенной, горькой истине, испить до самого дна чашу поражения, раздела, порабощения и унижения.

Большевистское перемирие и последовавшее вслед за ним заключение мира с центральными державами произвели огромное впечатление в России. В тот самый день, когда были приостановлены военные действия (2 декабря 1917 г.), генералы Корнилов, Алексеев и Деникин подняли на Дону контрреволюционное знамя. Все они пробрались в это убежище к лояльным казакам обходными путями и не без опасности для жизни. Здесь, окруженные простым и преданным населением, эти военные вожди явились центром притяжения для всех наиболее благородных элементов старой России.

Но на чем был основан их политический авторитет? Императорский режим был дискредитирован во всех классах общества. В России ничто не могло устоять перед двумя лозунгами: «всю землю крестьянам» и «всю власть Советам». Но тем не менее целость и неприкосновенность России и обязательства ее перед союзниками, от соблюдения которых зависело ее доброе имя, звучали внушительно и повелительно. Правда, идеи эти были дороги лишь для отдельных лиц, разбросанных по огромным фронтам и обширным внутренним территориям. Но боевой клич был подхвачен, перенесся через степи и горы, и решительно всюду, — среди всех классов, в каждом городе и в каждой деревне, — нашлись те, кто услышал этот клич.

Формирование и подвиги русской добровольческой армии могут составить тему исторической монографии, которую с благодарностью прочтут все боевые товарищи русских в Британской империи, во Франции, в Италии и в Соединенных Штатах, а равно и в мелких государствах, ныне окончательно обеспечивших свою свободу. Во второй половине 1918 г. русская добровольческая армия среди переменных успехов гражданской войны значительно расширила границы той территории, на которую распространялась ее власть. Впрочем, мы не можем говорить здесь сколько-нибудь подробно о ее приключениях и достижениях. На первых порах велись бесконечные споры и господствовал беспорядок, но тем не менее создалось чувство общения с внешним миром, на котором и покоился ав-

торитет контрреволюционных вождей. Сотрудничество с союзниками скоро приняло практические формы.

Еще 23 декабря 1917 г. военные представители Верховного союзного совета постановили, что все национальные войска в России, решившие продолжать войну, должны поддерживаться всеми средствами, какие только имеются в нашем распоряжении. В Сибири один из союзников мог действовать, преимущественно перед всеми прочими, чрезвычайно быстро и энергично. Япония была расположена поблизости, располагала сильными и свежими силами, была вполне готова к выступлению и непосредственно заинтересована в нем. Но против ее выступления выдвигались веские аргументы. Если бы Япония выступила против России, то большевики, при поддержке русского народа, могли бы заключить прямой союз с Германией против союзников.

Японцы были не прочь выступить и обнаруживали готовность взять под свой контроль значительную часть сибирской магистрали, но говорили, что участие в этой экспедиции американцев будет встречено в Японии недоброжелательно. 31 декабря британское правительство вступило в переговоры по этому вопросу с президентом Вильсоном. Соединенные Штаты высказались как против индивидуальной интервенции Японии, так и против совместной интервенции Америки и Японии. Японцев оскорбило такое отношение, которое на первых порах чувствовало себя обязанным разделять британское правительство. Японцы считали, что им нужно поручить все решительно интервенционистские выступления во Владивостоке, на которые изъявляют согласие союзные державы, ибо укрепление враждебного германского влияния на берегах Тихого океана было бы непосредственной угрозой Японии.

В конце января британское правительство, при поддержке французского, решило предложить Японии действовать в качестве уполномоченного союзных держав. Президент Вильсон по-прежнему противился всякой интервенции и в особенности индивидуальному выступлению Японии. С другой стороны, японцы требовали, чтобы в том случае, если Япония будет уполномочена на выступление державами, она получала от Америки помощь деньгами и военным снаряжением.

* * *

Вскоре союзники получили поддержку оттуда, откуда они менее всего ее ожидали. В России вдруг обозначилась иностранная сила, единственная в своем роде по характеру и происхождению. После объявления войны многие чехословаки, проживавшие в России, поступили добровольцами в русскую армию. Отряд чехословацких военнопленных записался в сербскую добровольческую дивизию на Добрудже. Кроме того чехословаки в больших количествах дезертировали из австрийской армии и присоединялись к своим соплеменникам, сражавшимся в рядах русской армии, еще в первые месяцы войны и в особенности после победы Брусилова на реке Стырь в 1916 г. Люди эти находились под руководством почтенного профессора Масарика, который бежал из Австрии и в 1914, 1915 и 1916 гг. проживал в Лондоне на положении беженца. Проф. Масарик не только поддерживал идею чешской национальности, но и стремился к созданию значительного чехословацкого государства. Узы между ним и чешскими добровольцами покоились исключительно на разуме и чувстве, но благодаря своей высокой моральной выдержке люди эти превозмогли все страдания этого исключительного времени.

Чешские солдаты, отрезанные от своей родины и семейств огромными расстояниями, войной, бесконечным хаосом и, наконец, преступлениями, формально совершенными ими против австрийского правительства, прекрасно понимали свои национальные интересы и все значение союзнической борьбы и ни в какой степени не поддавались влиянию местных русских элементов. Царское правительство включило чехословаков в русскую армию и дало им самостоятельную военную организацию, но не совсем доверяло лояльности этих иностранцев, отвергнувших власть своего законного повелителя.

Как только началась русская революция, проф. Масарик отправился в Россию, добился объединения всех чехословацких боевых единиц в один отряд и дал им национальное красно-белое чешское знамя. Благодаря его хлопотам в Париже, отряд был признан частью союзной армии. С момента заключения Брест-Литовского мира отряды эти, полностью сохранившие